

Приставки в свете когнитивной лингвистики и типологии: отклик на статью А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян

Ю.Л. Кузнецова, Л.А. Янда

Мы рады, что работы Лоры Янды и всей нашей исследовательской группы, работающей в университете Тромсе в Норвегии, вызывают интерес в России. Нам хотелось бы отметить, что статья Анны Андреевны Зализняк и Ирины Львовны Микаэлян, напечатанная в №6 журнала “Вопросы Языкознания” за 2012 г., опирается не только на статью Л. Янды, напечатанную в том же номере, но также и на другие работы Л. Янды и членов группы CLEAR¹. Для того, чтобы читателю было легче понять аргументы, приводящиеся в этой дискуссии, мы предлагаем ему обратиться к сайту в интернете, где можно ознакомиться со всеми работами Л. Янды: <http://ansatte.uit.no/laura.janda/mypubs/mypubs.html>. Более того, наша исследовательская группа сделала доступными все статистические результаты нашего анализа на сайте университета Тромсе: база данных префиксальных аспектуальных пар размещена по адресу emptyprefixes.uit.no, а подробное описание статистических методов можно найти на странице emptyprefixes.uit.no/book.htm. Последняя ссылка ведет на сайт, созданный специально для книги Janda et al. 2013. В этой книге собраны результаты исследования, которое группа CLEAR провела в рамках проекта «Exploring Emptiness», посвященного глагольным приставкам в русском языке.

В настоящей статье будут рассмотрены: 1) научная парадигма нашего исследования, в основе которого лежит современная теория когнитивной лингвистики и которое опирается на применение статистических методов; 2) предложение рассматривать глагольные приставки в русском языке как глагольные классификаторы; 3) гипотеза о “чистовидовых” приставках и ее роль в описании русского языка; 4) состав и структура нашей базы данных.

1. Научная парадигма нашего исследования

В этом разделе мы рассмотрим статус предлагаемой нами лингвистической модели, основывающейся на современной лингвистической теории, предполагающей использование статистических методов. В своей статье А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян называют предлагаемую нами модель «наивной» и «устаревшей». Мы хотели бы подчеркнуть, что мы работаем в парадигме современной когнитивной лингвистики. Существует несколько важных положений когнитивной лингвистики, от которых мы отталкиваемся

¹ CLEAR: Cognitive Linguistics: Empirical Approaches to Russian – научная исследовательская группа, в которую входят Л. Янда, Т. Нессет, Ю.Л. Кузнецова, О.Н. Ляшевская, А.Б. Макарова, С.В. Соколова, А.А. Эндресен.

в нашей работе и которые могут показаться неочевидными человеку, не очень близко знакомому с основными принципами когнитивной лингвистики. Представители данного направления не делают никаких априорных предположений о структуре языка, но стремятся изучать язык преимущественно эмпирически. При этом в когнитивной лингвистике считается очень важным стремиться, чтобы теоретические утверждения о языке согласовывались с имеющимися в психологии и медицине представлениями о том, как работает человеческий мозг. В результате в когнитивной лингвистике не принимается распространенное во многих современных грамматических теориях априорное положение о том, что язык устроен как строгая логическая система с однозначными критериями правильности и непересекающимися категориями.

В частности, так как в нашей модели мы пытаемся отразить ощущения носителя языка, мы стараемся считать слова, сходные по форме и смыслу, скорее многозначными, нежели омонимичными. Мы признаем, что существуют бесспорные случаи омонимии, например, глагол *жать* с первым лицом единственного числа *жну* и глагол *жать* с первым лицом единственного числа *жму* являются омонимами. Однако, во многих случаях, например, в приводимом в статье А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян примере различий между *колоть-уколоть* и *колоть-заколоть*, мы не уверены, что стоит проводить столь строгую границу. Многие глаголы в русском языке многозначны, и тем не менее их значения связаны друг с другом. Разделение таких глаголов на два омонимичных варианта, таких как *колоть₁* и *колоть₂*, как нам кажется, противоречит интуиции носителя языка, которую нам хотелось бы отразить в нашей модели. По этой же причине, нам не кажется проблематичным тот факт, что такие глаголы как *ронять* по историческим причинам содержат имперфективизирующий суффикс. В нашу базу данных пары типа *ронять* – *уронить* включены наравне с другими синхронными видовыми коррелятами.

Мы стараемся не делать выводов о внутренней структуре слов, если такие выводы не являются интуитивными для носителя языка. Так, мы хотели бы подчеркнуть, что в наших работах не постулируется однозначного направления морфологической деривации от глагола несовершенного вида к глаголу совершенного вида. Нас в первую очередь интересует наличие в русском языке пар типа «бесприставочный глагол несовершенного вида – глагол с приставкой совершенного вида», и именно таким парам и посвящено наше исследование. Во многих работах как российских, так и зарубежных лингвистов отмечается, что в словообразовании очень часто сложно говорить об однонаправленной деривации (ср. например Земская 1975: 69-94, Улуханов 1977: 22-34, Немченко 1979: 41-46, Панов 1999: 93-96, Катышев 2005: 14-70, Booji 2010: 32-47, Brown, Hippisley 2012: 35-37). Так, существительное *перевыборы* одновременно связано с глаголом *перевыбирать* и с существительным *выборы* (Панов *ibid*: 93). Более адекватным кажется представление о группе связанных между собой деривационными механизмами слов как о морфологической сети (ср. понятие Network Morphology в работе Brown, Hippisley 2012), в которой мотивирующими могут

служить разные элементы (ср. также русскоязычный термин «полимотивация»). Элементы парадигмы в этом случае являются морфологическими конструкциями в терминологии Х.Боя (Booij 2010). Важным аргументом в пользу такой точки зрения являются производные слова, которые не имеют непосредственной производящей основы, ср. например такие семельфактивные глаголы, как *вздремнуть* при отсутствии **вздремать* и **дремнуть*, или *всплакнуть* при отсутствии **всплакать* и **плакнуть*.

Одной из важных целей когнитивной лингвистики является построение модели языка, которая соотносилась бы с нашими знаниями о работе человеческого мозга и экспериментальными данными, свидетельствующими о механизмах языковой категоризации. Результаты таких экспериментов, начиная с работ Э.Рош (Rosch 1973, 1975) демонстрируют, что языковые категории могут пересекаться и обладают нежесткими границами. В то же время неверно, что языковые категории никак не структурированы: напротив, они обладают внутренней структурой, в них есть более и менее прототипические элементы, и носителям языка обычно интуитивно ясно, какой элемент категории находится ближе к центру, а какой – ближе к периферии. Более того, границы категорий могут видоизменяться как для одного носителя языка, так и варьируясь по социолектам и диалектам.

На практике достаточно сложно предложить критерии вроде критерия Маслова, неукоснительно им следовать, и в результате получить список истинных видовых пар. В диссертации Ю.Л. Кузнецовой (Kuznetsova 2013) обсуждаются сложности, связанные с применением критерия Маслова. Одну из основных проблем можно кратко сформулировать следующим образом. Если для того, чтобы признать два глагола парой, достаточно только одного контекста, в котором глаголы несовершенного и совершенного вида будут взаимозаменяемы, то такие контексты могут оказаться маргинальными и в результате парами будут признаны такие очевидно непарные глаголы как, например, *целовать* и *перецеловать* (ср. Перцов 2001: 127²). Если же принять, что для признания двух глаголов парой необходимо, чтобы можно было заменить глагол совершенного вида на глагол несовершенного вида во всех контекстах, очень может быть, что в русском языке не найдется ни одной такой пары, потому что, согласно корпусным данным, наборы конструкций, в которых употребляются глаголы совершенного вида и несовершенного вида, не бывают идентичными. Дополнительные сложности вызывает тот факт, что разные критерии выделения пар могут давать разные результаты³. Наконец, как показывает анкетирование, проведенное в рамках аспектологического семинара филологического факультета МГУ, разные лингвисты могут по-

² Н.В. Перцов приводит такие примеры как *Он вчера пришел и всех наших девушек смело перецеловал* и *Он вчера приходит и всех наших девушек смело целует*.

³ Kuznetsova, Sokolova forthcoming, анализируя видовые тройки, показывают, что предложения с *praesens historicum* тяготеют к вторичному имперфективу, а предложения с императивом при отрицании к бесприставочному имперфективу.

разному применять один и тот же критерий (ср. Анкета 1997, Горбова 2011). Обсудив все эти обстоятельства, Ю.Л. Кузнецова предлагает относиться более осторожно к критерию Маслова и сходным с ним синтаксическим критериям и пользоваться дополнительными эмпирическими методами для выделения видовых пар. Предлагается критерий, основанный на сравнении двух выборок примеров из корпуса: сравниваются наборы конструкций, встречающиеся в примерах, содержащих глагол несовершенного вида, и в примерах, содержащих глагол совершенного вида. Такой подход выигрывает с двух точек зрения: с одной стороны, он предоставляет нам несложный алгоритм сравнения потенциально парных глаголов, с другой стороны, в результате мы получаем числовую меру парности двух глаголов, которая в свою очередь может быть использована для сравнения разных пар между собой.

К сожалению, требования установить жесткие границы классов, которые были так популярны в период структурализма, трудно удовлетворить: современным лингвистам известно, что языковые единицы редко формируют классы с жесткими границами (ср. Langacker 2008). Большая часть языковых категорий обладают градуальной структурой. Модель, основанная на принятии такой градуальности, является не возвратом назад, а шагом вперед к когнитивной лингвистике, принимающей градуальность языковых категорий. Как это часто бывает в истории науки, эта парадигма отчасти похожа на предыдущую стадию, потому что, как все мы знаем, научным теориям часто свойственно развиваться по спирали.

Мы считаем, что единственно верный подход к градуальным явлениям в языке лежит в сфере статистики: статистические методы позволяют нам ответить на вопрос, можно ли пренебречь некоторым количеством встретившихся в корпусе контрпримеров. Мы не хотим постулировать, что в русском языке существует ровно 1429 глаголов несовершенного вида, которые образуют видовые пары с ровно 1981 приставочным перфективом. Парность некоторых лексем безусловна, это прототип модели видовых пар (ср. *делать* – *сделать*); парность других лексем менее очевидна, это периферия категории (ср. *точить* – *выточить*). Если бы мы приняли несколько иные критерии отбора видовых пар, это могло бы повлиять на состав периферии категории, но не на ядро. Однако, важно, что в статистическом отношении результаты если бы и изменились, то несущественным образом.

2. Модель глагольных классификаторов

В статье Л. Янды центральную роль играет гипотеза, согласно которой «чистовидовые» глагольные приставки в русском языке представляют собой систему глагольных классификаторов (см. подробное описание этого явления в работе Янда 2012). В ответной статье А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян (*ibid*: 57) пишут, что это предложение должно рассматриваться «скорее как метафора, чем как реальное грамматическое нововведение». Нам бы хотелось затронуть два важных вопроса в связи с этим утверждением. Во-первых,

русский язык удовлетворяет всем параметрам, выделяемым для языков с глагольными классификаторами и в этом смысле ничем не отличается от таких языков как куньянти и нюлнюл, рассматриваемых в работе В. МакГрегора (McGregor 2002) как примеры языков с глагольными классификаторами. Утверждение, что русский язык является языком с глагольными классификаторами, может вызвать удивление или неприятие, потому что глагольные классификаторы до сих пор были прерогативой языков Австралии. Предложение анализировать русские глагольные приставки как глагольные классификаторы уже высказывалось ранее Т.А. Майсаком (2005: 339–345) и В.А. Плунгяном (2011: 413–416). Группа CLEAR под руководством Л. Янды и Т. Нессета считает своим основным достижением не введение в научный оборот такой модели, а ее тщательную эмпирическую проверку.

Во-вторых, в некотором смысле любая научная гипотеза является метафорой. Когда современные физики говорят о том, что свет с одной стороны имеет волновые свойства, а с другой стороны ведет себя как набор отдельных частиц, они тоже пользуются метафорой. Когда современные химики говорят о бензольном кольце, они тоже используют метафору. Метафора является важным когнитивным механизмом, который позволяет ученым объяснять более сложные вещи, пользуясь более простыми и наглядными моделями, и практически любая научная модель в этом смысле является метафорой.

Критикуя модель глагольных классификаторов, А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян (ibid: 57) указывают, что «[с]корее следовало бы говорить о том, что приставки не классифицируют, а специфицируют (по Вейренку⁴) значение исходного глагола несовершенного вида». Нам кажется, что нет никакой причины считать, что эти две модели исключают друг друга: с одной стороны, приставки, конечно же, специфицируют значение глагола несовершенного вида, но с другой стороны, они при этом могут и классифицировать глаголы несовершенного вида. Если мы говорим о том, что приставки специфицируют значение глагола несовершенного вида, мы делаем важное утверждение в рамках русистики. Говоря, что приставки в русском языке являются глагольными классификаторами, мы делаем утверждение, интересное с точки зрения лингвистической типологии.

3. Гипотеза о «семантически пустых» приставках и ее роль в описании русского языка

Одной из важных тем в данной дискуссии является сама постановка задачи проекта «Exploring Emptiness», а именно вопрос о том, являются ли так называемые «чистовидовые» приставки действительно семантически пустыми. А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян (ibid: 55) отмечают, что «представление о том, что семантическая пустота приставки в

⁴ См. Veyrenc 1980 — ЮК, ЛЯ.

префиксальных видовых парах возникает в результате дублирования приставкой некоторого смыслового компонента, уже содержащегося в глаголе (так называемый эффект Вея-Схоневельда) в современной русистике достаточно широко распространено».

Во-первых, мы хотели бы подчеркнуть, что гипотеза о пустых приставках неоднократно высказывалась в научной литературе, посвященной русским глагольным приставкам. Так, уже А.А. Шахматов (1952: 201-202) отмечает, что глагол несовершенного вида при присоединении приставки превращается в глагол совершенного вида, а приставка при этом «утрачивает свое реальное значение». В.В. Виноградов (1972: 395-424) утверждает, что видовые пары, образованные при помощи префиксации (наряду с образованными при помощи суффиксации) не являются парой независимых глаголов, а представляют собой две формы одного глагола. При этом присоединение приставок к глаголам несовершенного вида приводит «к ослаблению и устранению их [приставок] реальных значений». А.Н. Тихонов (1998) отводит значительную часть своей книги (С. 29-175) феномену «чистовидовых» приставок. Как и В.В. Виноградов, А.Н. Тихонов считает такие глагольные приставки словоизменительными показателями, которые не приносят никакого значения. А.Н. Тихонов указывает, что многие глаголы присоединяют те или иные приставки после того, как приставки уже полностью утратили свое значение, приводя такие примеры как *оштрафовать*, *сфотографировать*, *законсервировать*. Н.С. Авилова (1976: 153-154) признает «наличие чистовидовых (грамматикализованных, десемантизированных) приставок», называя их «аспектуализированными». Дж. Форсайт (Forsyth 1970: 38-43) приводит такой аргумент: если отказаться от идеи чисто перфективизирующих приставок⁵, то «логическим результатом такого подхода... будет полный отказ от префиксальных [видовых] пар»⁶. Гипотеза о «чистовидовых приставках» упоминается и в некоторых современных работах. Например, Л.Ю. Миронова (2004) утверждает, что почти все глагольные приставки в русском языке (за исключением *до-*, *над-*, *пре-* и *пере-*) могут вести себя как «чистовидовые». Таким образом, обращаясь к теме «чистовидовых» приставок, мы постарались донести информацию об эффекте Вея-Схоневельда до более широкой лингвистической общественности.

Во-вторых, хотелось бы отметить, что несмотря на многократное упоминание эффекта Вея-Схоневельда в литературе, до сих пор не было представлено эмпирических данных в поддержку этой гипотезы. М.А. Кронгауз (1998: 82) называет проблему пустых приставок «хронической проблемой» современной русистики. Книга (Janda et al. 2013), на которую во многом опирается статья (Янды 2012), станет первой работой, в которой модель Вея-Схоневельда обращена в эмпирический вопрос, на который в результате анализа корпусных данных получены эмпирические ответы, подтвержденные статистическими методами.

⁵ Empty perfectivising prefixes (*перевод с англ. — ЮК, ЛЯ*).

⁶ The logical conclusion of this approach... would be the total rejection of prefixal pairs" (*перевод с англ. — ЮК, ЛЯ*).

Необходимо дополнительно отметить, что современные учебники русского языка для иностранцев до сих пор основываются на модели пустых приставок. Нам бы хотелось, чтобы современные научные исследования находили отражение в современных пособиях. Мы надеемся, что эмпирическое подтверждение гипотезы Вея-Схоневельда будет упомянуто в новых учебниках русского языка и облегчит студентам-иностранцам, изучающим русский язык, овладение такой сложной для них темой, как русские видовые приставки.

4. Состав и структура базы данных «Exploring Emptiness»

Значительная часть критики в статье А.А. Зализняк и И.Л. Микаэляна посвящена составу и структуре базы данных «Exploring Emptiness», которая и послужила основным источником данных в работах Янда 2012 и Janda et al. 2013. В связи с этим нам бы хотелось поговорить подробнее о том, как именно эта база была создана, но прежде чем мы обратимся к структуре базы данных, мы бы хотели сказать несколько слов о теории видовых гнезд Л. Янды, которая послужила теоретической основой при создании базы данных. Модель видовых гнезд не является отрицанием традиционного понятия видовых пар, а скорее является надстройкой над этим понятием. В гнезда объединяются не сами глаголы, а пары глаголов, поэтому модель видовых гнезд не противоречит, а дополняет понятие видовых пар. Модель видовых гнезд призвана объяснить, как связаны между собой группа однокоренных глаголов: бесприставочный глагол несовершенного вида (e.g. *гореть*), его приставочные корреляты (e.g. *сгореть*, *загореть*, *погореть*) и образованные от них вторичные имперфективы (e.g. *сгорать*, *загорать*).

В базе данных «Exploring Emptiness» основным критерием отбора видовых пар было присутствие данной пары в одном из использованных источников. Список был составлен на основе информации о виде, представленной в словарных статьях «Малого академического словаря» (Евгеньева 1999), «Толкового словаря русского языка» (Ожегов, Шведова 2001) и списка глаголов, представленного в работе П. Кабберли (Cubberly 1982). Заметим, что такой подход отражает важную современную тенденцию в гуманитарных науках: использование внешних, независимых от исследователя источников данных. Если мы используем независимые источники данных, те же данные могут быть повторно получены другой исследовательской группой, что приближает гуманитарные дисциплины к модели повторяемого эксперимента, традиционной для естественных наук.

На следующем этапе полученный список был проанализирован группой из четырех лингвистов носителей русского языка (О.Н. Ляшевской, Ю.Л. Кузнецовой, С.В. Соколовой и А.Б. Макаровой). Эта группа проверила весь список пар, полученных из указанных источников. В ходе проверки из списка были исключены глаголы, которые в совершенном виде отличались по семантике от глаголов несовершенного вида во всех найденных контекстах. Например, была исключена из списка упоминаемая Анной А. Зализняк и

И.Л. Микаэлян пара *хотеться-захотеться*. Эта пара была исключена на том основании, что у глагола совершенного вида *захотеться* всегда присутствует инхоативная семантика, которой нет в несовершенном глаголе *хотеться*. В своей работе группа лингвистов использовала аналог критерия Маслоу в его «слабой», или «экзистенциальной», форме (ср. Kuznetsova 2013): если находился хотя бы один пример контекста, в которых глаголы совершенного и несовершенного вида были взаимозаменяемы, то такие глаголы считались потенциально парными. Для оценки допустимости тех или иных примеров использовались корпусные данные и в случае необходимости данные, найденные при помощи поисковых машин Yandex и Google.

А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян (ibid: 52) указывают, что «многие включенные в базу пары глаголов не являются видовыми ни в каком смысле, в частности, не обладают свойством тождества лексического значения, ср.: *брить – выбрить, вертеть – свернуть, гнуть – загнуть, давить – сдавить, крутить – закрутить, точить – выточить, стареть – устареть, считать – подсчитать, чесать – причесать, вести – провести, есть – разесть, гнать – прогнать, гнать – выгнать, колоть – заколоть*». Хотелось бы заметить, что пары *брить – выбрить, гнуть – загнуть, давить – сдавить, считать – подсчитать* не входят в базу данных Exploring Emptiness. Для остальных приведенных выше пар глаголов можно привести следующие контексты, в которых глаголы совершенного и несовершенного вида служат аналогами друг друга:

вертеть – свернуть

Можно было **вертеть** более тонкие папиросы. Вся закрутка – дело рук и совести дневального. [В. Т. Шаламов. Колымские рассказы (1954-1961)]
Он придержал коня, **свернул** папиросу и закурил. [Сергей Бабаян. Ротмистр Неженцев (1995-1996)]

крутить – закрутить

Курнуть захотелось смертно, и Сашка начал **крутить** сигарку, глаза на миг от поля отведя, а когда поднял их – обомлел! [Вячеслав Кондратьев. Сашка (1979)]

Узнав, в чём дело, он осторожно отодвинул тарелку, **закрутил** сигарку и сказал: – Что ж... вечная ему память. [Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)]

точить – выточить

Спокойно и размеренно **точили** они детали и лишь изредка поддевали друг друга необходимыми остротами. [Евгений Попов. «Пять песен о водке» (1970-2000)]

Птицы споют вам свои песни, рабочие **выточат** деталь, пароходы забороздят просторы, стабилизируется напряжение в сети, очертания предметов станут четче, и окажется, что за всю жизнь их у вас накопилось два или три. [Доброе утро, Москва! (1997) // «Столица», 1997.12.08]

стареть – устареть

— Иногда говорят, мол, длительное время идёт разработка, технические решения **стареют**. [Анатолий Чаплыгин. Триумф в Капустином Яру // «Воздушно-космическая оборона», 2003]

Решения **устарели**, а проблемы не делись никуда. [Михаил Анчаров. Как Птица Гаруда (1989)]

чесать – причесать

Помните, у Андерсена: пожилая волшебница **чешет** Герде волосы и вишнями кормит, чтоб та не вздумала искать брата Кая? [Ирина Ратушинская. Одесситы (1998)]

Кто-то постарался, чтобы она выглядела как живая, ей даже аккуратно **причесали** волосы, но все равно отчего-то сразу становилось понятно, что перед вами тело без души, просто оболочка. [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)]

вести – провести

И помыть все, и коров напоить — руки отрывались от тех ведер, таточко мой Кириллка надумал **вести** водопровод. [Анатолий Козлович. Вечный серп // «Крестьянка», 1987]

Параллельно с этими работами на двух улицах **провели** водопровод. [Игорь Гунченков. Сельский миллионер (2002) // «Весть» (Калуга), 2002.11.21]

есть – разъесть

Однажды, после сильного кутежа, Лодка проснулась в полдень полубольная и злая: мучила изжога, сухую кожу точно ржавчина **ела**, и глазам было больно. [Максим Горький. Городок Окуров (1909)]

Железный человечек замер, будто пружинки у него **разъела** ржавчина и он больше не в силах пошевелиться и никогда-никогда не зазвенит и не запрыгает, этот веселый мастер Самоделкин. [Юрий Дружков (Постников). Волшебная школа (1984)]

гнать – прогнать

По ночам лунный свет, будто вино забвения, лился в глаза, **гнал** прочь сон: в степи пробуждались прозрачные великаны. [Александр Иличевский. Перс (2009)]

Бодрящий сиреневый туман, шум моря, вспышки маяка **прогнали** прочь сон. [Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)]

гнать – выгнать

Некоторые скотину резали, самогон из зерна **гнали** — пили, ели, всё равно, говорили, жизнь пропала. [Василий Гроссман. Все течет (1955-1963) // «Октябрь», 1989]

Вот и считайте: из килограмма сахара, трех литров воды и ста граммов дрожжей можно целый литр самогона **выгнать**. [Александр Никонов. Литры доброй воли (1997) // «Столица», 1997.12.22]

колоть – заколоть

В садах устанавливали зенитные пушки, и какие-то не очень молодые люди в широченных лыжных штанах маршировали там с утра до вечера и **кололи** чучела штыками. [Н. Н. Никулин. Воспоминания о войне (1975)]

А сержант Пиво-Долливальский бесшумно настиг удалявшегося фон Враницкого и молча **заколол** его штыком. [Юрий Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003]

Таким образом, примеры, приведенные выше, показывают, что для каждой пары глаголов существует тип контекстов, в которых глагол несовершенного вида и глагол совершенного вида могут быть взаимозаменяемы, а значит могут считаться потенциально парными.

А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян отмечают, что в базу «Exploring Emptiness» попали видовые пары, которые являются таковыми только в профессиональном употреблении, например *ремизить-обремизить*, *тралить-протралить*, *трелевать-стрелевать*, *шпунтовать-зашпунтовать*. Мы хотели бы заметить, что попадание таких глаголов в наш список, как и в словари, бывшие нашим основным источником, является естественным, ведь профессиональные диалекты являются частью русского языка. Хотелось бы указать, что все перечисленные выше и подобные им глаголы отмечены в нашей базе специальной пометой “*professional*”. Эта помета используется нами наряду с такими важными для видовых пар параметрами как устаревшее употребление (помета “*obsolete*”), разговорное или диалектное употребление (помета “*colloquial*”). Полный список глаголов со всеми пометами можно получить, если нажать на кнопку «Все глаголы в базе» на главной странице базы данных «Exploring Emptiness». Нажав на каждую из помет, пользователь может получить список глаголов, отмеченных только этой пометой. Если упорядочить глаголы по параметру «помета», можно получить полный список глаголов, в котором сначала будут идти глаголы, не отмеченные никакими пометами, а потом все глаголы, имеющие ту или иную помету. Таким образом, любой исследователь, желающий исключить из материалов своего исследования профессиональные видовые пары, а также устаревшие и разговорные видовые пары, может это сделать. С более подробными инструкциями можно ознакомиться в разделе «Структура базы данных» на сайте <http://emptyprefixes.uit.no>.

Другим важным недостатком базы данных «Exploring Emptiness», с точки зрения А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян, является присутствие в ней маргинальных форм как несовершенного (таких как *бессилить*, *булгачить*, *густиться*, *должать*, *ежить*, *тощать*, *пушить*, *супиться*, *рекомендоваться* (= ‘называть себя при знакомстве’), *румяниться*, *длиннеть*, *русеть* (= ‘становиться русским’)), так и совершенного вида (таких как *отволгнуть*, *вызбнуть*). С нашей точки зрения, наличие таких примеров среди видовых пар является закономерным: маргинальные и окказиональные лексемы встречаются среди видовых пар, потому что они встречаются в языке. Информацию о том, что такие лексемы не являются частотными,

пользователь базы может получить, воспользовавшись колонкой «частотность», указывающей, сколько примеров данной лексемы было найдено в НКРЯ. Из данных, приведенных в этой колонке, можно видеть, что все глаголы, приведенные выше, за исключением глагола *рекомендоваться* (984 примера), низкочастотны: глагол *румяниться* был найден в 23 примерах, глагол *ежиться* в 19 примерах, а остальные приведенные глаголы в 10 и менее примерах.

Мы также хотели бы отметить, что в случаях, когда один глагол несовершенного вида соотносится с несколькими приставочными глаголами совершенного вида, в базе данных «Exploring Emptiness» проводится семантическое различие между глаголами совершенного вида. Такие различия можно увидеть, если воспользоваться полем «Definition». В этом поле приводится словарное описание значений и контекстов, в которых данные глаголы несовершенного и совершенного вида можно считать парой. Например, пользователь, интересующийся приставочными коррелятами глагола *душить*, может обнаружить, что в базе данных есть три приставочных глагола, связанных с глаголом *душить*: *задушить*, *удушить*, и *надушить*. При этом первые два приставочные глагола – *задушить* и *удушить* – могут быть коррелятами глагола *душить* в нескольких различных подзначениях, таких как «1. Убивать, с силой сжимая горло. 2. Лишать возможности дышать. 3. Угнетать, притеснять (книжн.)». Последний приставочный глагол – *надушить* – может быть коррелятом *душить* только в значении «Опрыскивать, пропитывать чем-н. душистым, духами».

В заключение нам хотелось бы отметить, что составить безупречный список, с которым согласился бы каждый носитель русского языка или хотя бы каждый лингвист-русист, к сожалению, не представляется возможным. Всегда можно спорить, что список в чем-то неполон, а какие-то примеры маргинальны. Мы постарались сделать все, чтобы количество спорных примеров в нашем списке было минимальным. Мы убеждены, что небольшие изменения – добавление некоторых глаголов в список и удаление некоторых спорных глаголов – не повлияет на основные выводы наших работ. Однако достичь идеального списка нельзя, хотя бы потому что в языке существует межсубъектная вариативность (intersubject variability), что означает, что существуют значимые и измеримые различия между носителями языка (см. работы Dabrowska 2008, 2010, Street, Dabrowska 2010).

5. Заключение

Данный отклик можно резюмировать следующим образом. Мы считаем важным основывать наши гипотезы на современной теории когнитивной лингвистики, которая стремится не делать априорных предположений о структуре языка. Мы уверены, что описание системы видовых приставок как аспектуальных классификаторов позволяет с новой, типологической, точки зрения взглянуть на давно известную проблему. Наши исследования (Янда 2012, Janda et al. 2013 и другие работы группы CLEAR) направлены на то,

чтобы перевести давнюю дискуссию о «чистовидовых» приставках и эффекте Вея-Схоневельда из теоретической плоскости в практическую. Мы постарались прояснить, какими принципами мы руководствовались при составлении нашей базы данных, и надеемся, что теперь причины, по которым мы приняли то или иное решение, стали более понятными. Мы хотели бы поблагодарить А.А. Зализняк и И.Л. Микаэлян за критическую статью, которая дала нам возможность прояснить нашу позицию, и редакцию журнала «Вопросы Языкознания» за то, что она позволила нам ответить на большую часть возникших вопросов.

Литература

- Авилова 1976 – *Н.С. Авилова*. Вид глагола и семантика глагольного слова. М.: Наука.
- Анкета 1997 – Анкета аспектологического семинара филологического факультета МГУ // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ. Т. 2. 1997.
- Виноградов 1972 – *В.В. Виноградов*. Русский язык. М.: Высшая школа.
- Горбова 2011 – *Е.В. Горбова*. Видовая парность русского глагола: проблемы и решения // Вопросы языкознания 2011, №4.
- Евгеньева 1999 – *А.П. Евгеньева* (ред.) Малый академический словарь. М.: Русский язык.
- Зализняк, Микаэлян 2012 – *Анна А. Зализняк, И.Л. Микаэлян*. О некоторых дискуссионных моментах аспектологической концепции Лоры Янды // Вопросы языкознания 2012, №6.
- Земская 1975 – *Е.А. Земская*. К проблеме множественности морфонологических интерпретаций // Развитие современного русского языка. Словообразование, членимость слова, 69-94.
- Катышев 2005 – *П.А. Катышев*. Полимотивация и смысловая многомерность словообразовательной формы. – Томск: Издательство Том. ун-та.
- Майсак 2005 – *Т.А. Майсак*. Типология грамматикализации конструкции с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Миронова 2004 – *Л.Ю. Миронова*. Вид глагола и соотношение лексико-семантических вариантов многозначного слова. Дисс. кандидат. филол. наук. - Тамбов.
- Немченко 1979 – *В.Н. Немченко*. Способы русского словообразования. Горький: Горьковский Государственный университет.
- Ожегов, Шведова 2001 – *С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова*. Толковый словарь русского языка. М.: Русский язык.
- Панов 1999 – *М.В. Панов*. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, Школа “Языки русской культуры”.
- Перцов 2001 – *Н.В. Перцов*. Инварианты в русском словоизменении. М., 2001.
- Плунгян 2011 – *В.А. Плунгян*. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.

- Тихонов 1998 – *А.Н. Тихонов*. Русский глагол. М.: Русский язык.
- Улукханов 1977 – *И.С. Улукханов*. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. – Москва: Издательство «Наука».
- Шахматов 1952 – *А.А. Шахматов*. Учение о частях речи. М.: Учебно-педагогическое издательство.
- Янда 2012 – *Л.А. Янда*. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания 2012, №6.
- Booij 2010 – *G. Booij*. Construction Morphology. Oxford: Oxford University Press.
- Brown, Hippiisley 2012 – *D. Brown, A. Hippiisley*. Network Morphology: A defaults-based theory of word structure. – Cambridge: Cambridge University Press.
- Cubberly 1982 – *P.V. Cubberly*. On the 'empty' prefixes in Russian. Russian Language Journal 36, 14-30.
- Dąbrowska 2008 – *E. Dąbrowska*. The effects of frequency and neighbourhood density on adult native speakers' productivity with Polish case inflections: An empirical test of usage-based approaches to morphology // Journal of Memory and Language 58, 931-951.
- Dąbrowska 2010 – *E. Dąbrowska*. Naive v. expert intuitions: An empirical study of acceptability judgments // The Linguistic Review 27, 1-23.
- Forsyth 1970 – *J. A. Forsyth*. Grammar of Aspect. Cambridge: Cambridge University Press.
- Janda et al. 2013 – *L.A. Janda, A. Endresen, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova*. Why Russian Aspectual Prefixes Aren't Empty: Prefixes as Verb Classifiers. Bloomington, IN: Slavica Publishers.
- Kuznetsova 2013 – *J. Kuznetsova*. 2013. Linguistic Profiles: Correlations between Form and Meaning. Ph.D. diss., University of Tromsø.
- Kuznetsova, Sokolova forthcoming – *J. Kuznetsova, S. Sokolova*. Aspectual Triplets in Russian.
- Langacker 2008 – *R.W. Langacker*. Cognitive Grammar. A Basic Introduction. New York: Oxford University Press.
- Rosch 1973 – *E. Rosch*. Natural categories // Cognitive Psychology 4 (3), 328–350.
- Rosch 1975 – *E. Rosch*. On the internal structure of perceptual and semantic categories // Moore, Timothy E. (ed.) *Cognitive Development and Acquisition of Language*. New York/San Francisco/London: Academic Press, 111-144.
- Street, Dąbrowska 2010 – *J. Street, E. Dąbrowska*. More individual differences in Language Attainment: How much do adult native speakers of English know about passives and quantifiers? // *Lingua* 120, 2080-2094.
- Veyrenc 1980 – *J. Veyrenc*. Un problème de formes concurrentes dans l'économie de l'aspect verbal en russe: imperfectifs premiers et imperfectifs seconds // Veyrenc, J. *Etudes sur le verbe russe*. Paris: Institut d'études slaves, 1980.